

1. Истоки I: А. К. Сарвис, доктор медицины

Доктор Сарвис, с пятнистой лысиной и свирепым видом, грозный и благородный, как Сибелиус, ехал ночью по своим обычным делам, осуществляя свой проект благоустройства окрестностей путем сжигания рекламных щитов вдоль федеральной автодороги США 66, чтобы затем ретироваться по автобану, соединяющему два штата этой сверхдержавы. Его метод был прост, хирургически точен. Из пятилитровой канистры он обливал бензином стойки и всю опорную конструкцию намеченной цели, а затем зажигал спичку. Каждый должен иметь свое хобби.

В образовавшемся ослепительно-ярком освещении можно было увидеть, как он протащился с пустой канистрой, хлопавшей его по колену, к своему линкольну Марк IV, стоящему неподалеку. Высокий, громоздкий мужчина, взлохмаченный, как медведь, он отбрасывал в свете пламени весьма впечатляющую тень на засушливую землю, усеянную разбитыми бутылками из-под виски, кустиками подорожника, старыми брошенными шинами и полосками протекторной резины. В мерцании огня его маленькие красные глазки пылали своим собственным яростным огнем, таким же ярким, как и раскаленный кончик сигары, зажатой у него в зубах — три фанатических красных фонаря, мерцающих в ночи. Он помедлил, чтобы полюбоваться своей работой:

ХОУДИ ПАРДНЕР

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АЛЬБУКЕРК, НЬЮ-МЕКСИКО

ЦЕНТР ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ

Фары пролетающих мимо машин бросали на него свой свет. Их пронзительные сигналы нелепо мычали, когда болезненные, прыщавые юнцы с не опустившимися яичками проезжали мимо в ободранных, одурманенных Мустангах, Импалах, Стрингреях, Битлах. У каждого на коленях — сексапильная красотка с роскошными ресницами сидит, тесно прижав к нему свой зад, так что при взгляде через стекло заднего обзора на силуэт в свете встречных фар кажется, что машину ведет один водитель с двумя головами. Другие любовники проносились мимо покореженного щита, оседлав изрядно побитые мотоциклы фирмы Кавасаки с раскаленной вишнево-красной выхлопной трубой — как харакири, камикадзе, карате и кудзу, — дар дружественного народа, подарившего нам также (помните?) Пирл-Харбор. Мотоциклы, разбрасывая искры, ревели и дрожали, как технократические демоны в спазмах, пронзая когда-то бывшую здесь безграничную тишину ночи американского юго-запада.

Никто никогда здесь не останавливался, за исключением дорожного патруля, оперативно появившегося четверть часа спустя, радируя сообщение о необъяснимом возгорании рекламного щита легкомысленно-насмешливому диспетчеру в отделении. Затем он вылезал из своей машины, — рука в перчатке зажала огнетушитель — и пытался погасить пламя, покрывая его короткими сильными струями жидкого гидрохлорида натрия («мокрее воды», поскольку он лучше прилипает, как мыльная пена, к горящим предметам). Напрасные, хотя и мужественные, усилия. Обезвоживаемые пустынными ветрами и иссохшим воздухом пустыни многие месяцы, а иногда и годы, сосна и бумага самых благородных, самых величественных рекламных щитов жадно отдавались пламени каждой своей молекулой, заворачивались в пламя с сумасшедшим вожделением, с восторженной мощью и напряжением, как любовники в момент оплодотворения. Всеочищающий огонь, всепоглощающее пламя, перед которым плутонический маньяк-поджигатель может только преклонить колена и молиться.

Док Сарвис к этому времени уже спустился по рыхлому откосу дороги под мерцающим светом творения его рук, швырнул пустую канистру из-под бензина в багажник своей машины, грохнул крышкой, на которой играли яркие, серебристые отсветы огня, и шлепнулся на переднее сиденье рядом со своим водителем.

— Следующий? — спросила она.

Легким щелчком он вышвырнул окурок своей сигары через открытое окно в канаву — след горячей дуги, описав траекторию в форме радуги, задержался на мгновение в ночи, затем он окончательно погас, дав на прощание целый сноп искр. Док развернул новую сигару Марш-Вилинг — его знаменитые руки хирурга при этом и не дрогнули.

— Давай обрабатываем западную сторону, — сказал он.

Большая машина скользнула вперед; мотор ее тихонько урчал, колеса с хрустом давили консервные жестянки, пластмассовые тарелки, брошенные после пикников на берме; новые подшипники мягко скользили в рабочей смазке, поршни, плавая в масле, двигались вверх-вниз в крепких, но нежных объятиях цилиндров, соединяя стержни с коленчатым валом, коленчатый вал — с ведущим валом, через дифференциал на ось, передавая всю энергию колесам.

Они приближались к цели. Я хочу сказать, они продвигались вперед в задумчивом молчании, к мигающему неону, спастическому анапесту камня, апоплексическому коловращению субботней ночи в городе Альбукерке, штат Нью-Мексико. (Чтобы одну субботнюю ночь побыть американцем в центре города, вы бы продали дьяволу вашу бессмертную душу). Они ехали вдоль Гласси Галч по направлению к двадцатиэтажным башням финансовых корпораций, горящим, как глыбы радия, под подсвеченным смогом.

— Абцуг.

— Док?

— Я люблю тебя, Абцуг.

— Я знаю, Док.

Они проехали мимо освещенного похоронного зала местного морга — «О, смерть, где твое жало?». Ну рок! Под переезд железной дороги на Санта Фе (Святой веры) — «Держи все время на Санта Фе».

— Ах, — вздыхал доктор, — я люблю это, я так это люблю...

— Угу, но это мешает мне вести машину.

— El Mano Negro[1] ударяет снова.

— Ага, Док, ладно, но мы разобьемся, и моя мать подаст на тебя в суд.

— Верно, — говорит он, — но оно того стоит.

За довоенными мотелями, оштукатуренными и покрытыми испанской плиткой, на западной окраине города они въехали на длинный низкий мост.

— Останови здесь.

Она остановила машину. Док Сарвис глядел вниз, на реку, на Рио-Гранде, великую реку Нью-Мексико, на ее темные воды, сияющие в отраженных облаках огня города.

— Моя река, — произнес он.

— Наша река.

— Наша река.

— Давай поплывем по этой реке.

— Уже скоро, скоро. — Он поднял палец. — Слушай...

Они прислушались. Река внизу бормотала что-то, словно обращалась к ним: пошли, поплывем со мною, доктор, через пустыни Нью-Мексико, вниз, через каньоны Биг Бенда, и дальше, дальше, к морю, туда, к Карибскому заливу, где юные сирены свивают свои венки из водорослей на твою лысую голову, о Док! Ты здесь? Док?

— Поехали, Бонни. Эта река усиливает мою меланхолию.

— Не говоря уж о твоём чувстве жалости к себе.

— Моем де жа вю.

— Ага.

«Mein Weltshmerz»[2].

— Твою Welt-schmaltz[3]. Ты же так любишь ее.

— Ну-у... — он вытащил зажигалку, — кому до этого есть дело?

— О, Док. — Глядя на реку, продолжая вести машину, следя за дорогой, она похлопала его по колену. — Не думай больше обо всем этом.

Док кивнул, поднося раскаленную спираль к кончику своей сигары. Мерцание зажигалки, мягкие огоньки приборной панели придавали его большой и костистой, лысой, но бородатой голове вид сильно поношенного достоинства. Он был похож на Яна Сибелиуса — с кустистыми бровями и бакенбардами, в полном расцвете своих сорока лет. Сибелиус дожил до девяноста двух. У Дока было впереди еще целых сорок два с половиной.

Абцуг любила его. НЕ слишком, быть может, но все же достаточно. Она была крепким орешком родом из Бронкса, однако, когда нужно, умела быть сладкой, как apfelstrudel[4]. Этот ее классический резкий голос мог иногда сильно действовать на нервы, когда она была раздражена, однако поцелуй, или конфетка, или легкий щелчок могли обычно растопить самый ледяной ее тон. Ее язычок, язвительный, как у гадюки, был все же сладким (думал он), как Моген Довид[5].

Его мать тоже любила его. Конечно, у его матери не было выбора. Именно за это ей и платили.

Его жена когда-то любила его, больше, чем он заслуживал, больше, чем требовала реальная жизнь. Если б у нее было достаточно времени, она, быть может, переросла бы это. Их дети уже выросли и были на другом конце континента.

Самые милые пациенты Дока тоже любили его, но не всегда платили по счетам. У него было несколько приятелей, несколько закадычных друзей по Демократической комиссии округа, с которыми он играл в покер, несколько собутыльников из клиники Медицинского института, пара соседей на Высотах. Ни одного близкого. Немногих его близких друзей вечно куда-то посылали; казалось, они редко возвращались, и их привязанности слабели, становясь не прочнее паутины их переписки, которая ветшала и увядала.

Поэтому он был горд и рад, что рядом с ним была в эту ночь такая чудесная медсестра и сердечная подружка; а их черный автомобиль поднимался тем временем на запад под розовым мерцанием особенной атмосферы этого города, присущей только ему одному, за последние станции Тексако, Арко и Галф, мимо последнего бара Вэйгон Вил, в распахнутый простор пустыни. Он был благодарен Бонни.

Высоко на западном плато, возле потухших вулканов, под сверкающими, сияющими ослепительным блеском, звездными небесами, они остановились среди беззащитных рекламных щитов со стороны автодороги. Время выбирать очередную цель.

Док Сарвис и Бонни Абцуг оглядели их. Так много, такие они все невинные и легко ранимые, выстроились стройными рядами плечом к плечу вдоль дороги, радуя взор. Трудно выбрать. Может быть, военный?

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

ФОРМИРУЕТ МУЖЧИН

Почему не женщин? — спросила Бонни. Или, может, выбрать вот этот, насчет грузовых перевозок:

ОСТАНОВЯТСЯ ГРУЗОВИКИ —

ОСТАНОВИТСЯ АМЕРИКА

Не угрожайте мне, вы, сукины сыны. Он просмотрел еще и политический:

ЧЕМ ПЛОХО БЫТЬ ПРАВЫМ?

ВСТУПАЙТЕ В ОБЩЕСТВО ДЖОНА БЕРЧА!

Но предпочел все-таки аполитичный:

ПРИЯТНОГО ВАМ ДНЯ

МЫ В НЕМ ВСЕ ВМЕСТЕ

Он бы выбрал их все, но ощутил некоторую тщетность своего хобби. Последние дни он делал это скорее по привычке, чем по убеждению. Был высший удел, призывавший их обоих — его и мисс Абцуг. Тот указующий перст, что снился ему, маня за собою.

— Бонни, что ты посоветуешь?

— Нужно сбить еще хоть один, Док. Не зря же мы проехали весь этот путь. Ты не будешь доволен, ели не сделаешь этого.

— Умница. Который же?

Бонни показала.

— Мне нравится вон тот.

Док сказал:

— Точно.

Он выкарабкался из машины и побрел к багажнику по обочине дороги через ее захламленное экологическое сообщество сорняков и консервных банок. Открыв крышку багажника, из-под клюшек для гольфа, запасного колеса, цепной пилы, флакона-распылителя с краской, инструментов для замены колеса, пустой канистры из-под бензина он вытащил оттуда другую канистру, полную, затем закрыл крышку багажника. Во всю длину заднего бампера его машины красовалась люминесцентная наклейка,

провозглашающая сверкающим красно-сине-белым: Я ГОРД ТЕМ, ЧТО Я АРМЯНИН!

На его машине были и другие чародейские знаки — он был поистине наклейкоманьяк — чтобы отпугивать зло: американский флаг был наклеен по всем четырем углам заднего стекла, флажок с золотой бахромой болтался на радиоантенне, в одном углу ветрового стекла красовалась наклейка — Член общества АЛОП «Американцы — за лучшее обеспечение правопорядка», а в другом — голубой орел Национальной стрелковой ассоциации с традиционной максимой: «Регистрируйте коммунистов, а не ружья».

Не колеблясь больше, поглядывая в обе стороны, суровый и собранный, как судья, со своими спичками и своей канистрой бензина в руках, Док зашагал вдоль канавы по бурьяну, битым бутылкам, тряпью и банкам из-под пива — по всем этой трагической и покинутой дребедени американских дорог, и наконец вскарабкался по откосу к объекту его... мании:

ЧУДО-ХЛЕБ,

ОБОГАЩЕННЫЙ ВИТАМИНАМИ

УКРЕПЛЯЕТ ТЕЛО

Лжецы!

А в это время там, внизу, его Бонни сидела в ожидании за рулем Линкольна с работающим двигателем, готовая к побегу. Грузовики и легковые машины с ревом пронеслись по шоссе, их фары на мгновение освещали лицо девушки, ее глаза цвета фиалки, ее улыбку, и наклейку на переднем бампере машины Дока, ту, что предвосхищала будущее: БОЖЕ, БЛАГОСЛОВИ АМЕРИКУ. ДАВАЙТЕ СОХРАНИМ ХОТЬ ЧАСТЬ ЕЕ.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 03:56:11

Зверобой обновил 22 апреля 2025 03:56:34